

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ. Проект № 19-011-31091
«Институциональный контекст формирования гражданской ответственности в России»*

С. В. Патрушев¹, А. М. Кучинов², О. А. Мирясова¹,
И. Л. Недяк¹, Т. В. Павлова¹, Л. Е. Филиппова¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

²Национальный исследовательский университет «МЭИ».
111250, Россия, Москва, ул. Красноказарменная, 14

Для цитирования: Патрушев С. В. Формирование гражданской ответственности в России / С. В. Патрушев, А. М. Кучинов, О. А. Мирясова, И. Л. Недяк, Т. В. Павлова, Л. Е. Филиппова // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С. 27–47.
DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7093

Аннотация. Предпринята попытка разработки понятия гражданской ответственности как политологической категории с использованием политико-социологического и институционального подходов. Научная новизна заключается в раскрытии этого понятия институциональном контексте гражданского общества и государства. Выявление нормативно-ценностной структуры гражданской ответственности и её конгруэнтности институциональной среде, оценка потенциала её развития позволяют углубить понимание российской политики и российского социума, расширить возможности влияния на процесс формирования гражданской ответственности как устойчивого основания современной политики. Для эмпирической проверки теоретических предположений использованы данные общероссийского репрезентативного опроса населения, проведенного отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (при поддержке Центра социального прогнозирования и маркетинга) в июне 2019 года, объём выборочной совокупности – 700 человек (ОСПИ-2019).

Ключевые слова: гражданин; ответственность; общество; государство; политика; институциональная среда; порядок; нормы; ценности; конгруэнтность; активность; поведение; формирование; воспроизводство.

*В гражданской ответственности...
вижу консолидирующую базу нашей политики*

В. В. Путин,
Послание Президента Федеральному Собранию от 12.12.2012

Концепт гражданской ответственности слабо исследован современной политической наукой и недостаточно используется при анализе российской политики. В статье предпринята попытка разработать понятие гражданской ответственности как политологической категории с использованием политико-социологического и институционального подходов. Рассмотрение гражданской ответственности в институциональном контексте гражданского общества и государства призвано выявить её нормативно-ценностную структуру и оценить степень её конгруэнтности гражданским и государственным институтам. Анализ потенциала развития гражданской ответственности позволяет углубить понимание российской политики и российского социума, расширить возможности влияния на процесс формирования гражданской ответственности как устойчивого основания современной политики.

Формирование и эволюция понятия гражданская ответственность

Общепринятого понятия гражданской ответственности в политической науке не существует. В англоязычном онлайн-словаре «гражданская ответственность» определяется как «ответственность гражданина», которая «состоит из действий и ориентаций, связанных с демократическим управлением и социальным участием, может включать участие в правлении, в церковной жизни, волонтерство и членство в общественных объединениях»; выделяют: 1) «ответственность тех, кто реализует власть, перед теми, кого они представляют»; 2) «ответственность всех, кто принадлежит к демократической системе, граждан и правителей, состоит в том, чтобы их действия были направлены на поддержание демократического порядка»¹. В другом справочном издании гражданская ответственность означает «активное участие в публичной жизни сообщества информированным, сопричастным и конструктивным образом с акцентом на общем благе» [A Practical Guide..., 2002: 16]. Иными словами, основное содержание гражданской ответственности усматривается в участии гражданина в жизни сообщества.

Истоки формирования представлений о гражданской ответственности относятся к периоду Античности, когда сложились взгляды о «плохом» и «хорошем» человеке — «бесполезном обывателе» и «благонамеренном гражданине» [Фукидид, 1981]. «Гражданин только тот, кто стоит в известном отношении к государственной жизни, кто имеет или может иметь полномочия в деле попечения о государственных делах или единолично, или вместе с другими» [Аристотель, 1983: 454].

Причастность к жизни политического сообщества, ответственность за его судьбу и управление в форме прямого участия, подчинение частной жизни общему благу составляли в представлениях горожан Афинской демократии принцип гражданской добродетели.

¹ Dictionary.com: Responsibility. URL: <https://www.dictionary.com/browse/responsibility?s=t> (дата обращения: 08.10.2019).

Для республиканского Рима также характерно воспитание гражданской добродетели чувства долга перед обществом, ответственности перед республикой, приоритета «общего дела» (*res publica*) над частными интересами. Но политическая и философская почва была уже иной: не афинская агора, пропитанная идеалами эгалитаризма и участия, а римский форум с его элитизмом и антимажоритаризмом. Понимание ответственности соотносилось в первую очередь с теми гражданскими добродетелями, которые позволяли сохранить статус и привилегии *vivere libere* гражданина и республики. Цицерон противопоставлял гражданские добродетели таким угрозам республики, как алчность и халатность граждан, их стремление к власти, неверие в возможность политического решения проблем; забота народа сохранить свою свободу от господства (*dominatione*), от произвольной власти другого/других приоритетна и естественна (см.: [Cicero, 1991]). Ослабление гражданского контроля за обеспечением республиканского порядка клеймилось как преступная гражданская безответственность. Гражданской доблестью считалась не политическая активность в формате прямой демократии, но добросовестное несение государственной службы – для защиты свободы от произвола, охраны республики от главного внутреннего врага – коррупции, помощи гражданину в осознании реального преимущества членства в самоуправляющейся республике.

Таким образом, с античных времён в республиканской политической мысли формируется двудерная концепция гражданской ответственности, и эта конфигурация сохранилась до наших дней. «Ядра» не имеют жёстких границ и отличаются не столько составом гражданских добродетелей, необходимых для «активного участия в публичной жизни сообщества информированным, сопричастным и конструктивным образом с акцентом на общем благе», сколько иерархией их значимости.

(Нео)афинское ядро основывается на аристотелевской максиме: люди могут реализовать свою природу только как «политические животные» путём участия в самоуправляемых общинах (Х. Арндт, А. Пококк, М. Сандел, Ч. Тейлор). Гражданская ответственность проявляется в ориентации на общее благо, во взаимозависимости и плюральности, понимании важности гражданского признания и патриотизма как «приверженности общим, а не частным интересам», в «чувстве ответственности за мир» [Taylor, 1993: 98].

(Нео)римское ядро опирается на мощный (и отличающийся от аристотелевского) идеал свободы и инструментальное к ней отношение: свобода от произвола в условиях верховенства закона. В современном неороманском республиканизме эти идея и ценность воплотились в концепциях свободы от господства (*freedom as non-domination*) и электорально-контестаторной демократии. Философы романской ветви республиканизма (Цицерон, Саллюстий, Макиавелли, Гаррингтон, Мэдисон) не разделяли аристотелевское представление о «*homo politicus*», полагая естественным для людей отсутствие желания управлять делами республики. Люди скорее хотят, чтобы ими управляли, и они были

защищены законом от произвольной власти правителя, чтобы законы и институциональный порядок заставляли власть заботиться об общем благе, а не о своих интересах (см.: [Republicanism, 2008]). Гражданская ответственность состоит прежде всего в готовности и способности контролировать действия властей (неусыпная гражданская бдительность) дабы обеспечить проведение политики эмансипации и политический порядок, при котором каждый находится во власти закона и защищён от власти другого человека.

Либерализм эпохи модерна принёс с собой новые представления об индивиду и его правах, о равенстве перед законом и свободе как естественном праве человека, не связанном с его социальным статусом, основном нравственном принципе для общества. Из этих идей сложилась концепция основанного на договоре общества, которая «предполагает центральную роль выбора, социальных отношений, основанных на равенстве и взаимности» [Зидентоп, 2001: 72]. По Дж. Локку, статус гражданина, связанный с членством в политическом сообществе, гражданство, налагает на него как «ответственность, так и права, обязанности и полномочия, ограничения и свободы» (см.: [Хелд, 2014: 115]). И. Кант пишет о «гражданской личности» «гражданского сообщества (*societas civilis*), т. е. государства», наделённой правами и обязанностями, гражданской самостоятельностью [Кант, 1995: 355]. Индивид предстаёт, таким образом, как свободная, разумная и ответственная личность, гражданин, «способный принять на себя самостоятельно выбранные обязательства» [Хелд, 2014: 432]. Эти положения либеральной доктрины развивались позднее теоретиками либерально-демократического направления (от Дж. С. Милля до Р. Нозика и Ф. Хайека).

Основы республиканской традиции в демократической теории заложил Ж.-Ж. Руссо, обратившийся к наследию Античности, к римскому республиканизму. Граждане, заключив «общественный договор» о законах и правилах общественного устройства, действуя как единое целое, обладая общей волей и стремясь к общему благу, берут на себя добровольное обязательство соблюдать эти законы и правила, а, следовательно, несут ответственность за управление обществом и за воспроизводство социального и политического порядка. Минимальный «набор» гражданских добродетелей – граждане должны любить свою страну, уважать законы, относиться друг к другу как к братьям и жить просто (см.: [Руссо, 1998]).

Проблема получила дальнейшее развитие в творчестве Х. Арндт, которая показала, что в основе понимания ответственности лежит различие «между политической (коллективной) ответственностью, с одной стороны, и моральной и/или правовой (личной) виной – с другой» (см. [Аронсон, 2013: 17]). «Когда человеческое поведение рассматривается с точки зрения морали, всё внимание сосредоточено на самости, а когда поведение рассматривается с точки зрения политики, внимание сосредоточено на мире» [Арндт, 2013: 212]. Политическая ответственность – необходимость поступка из уважения к миру, который я делю с другими. Отсюда принципиальное отличие политической ответственности от личного морального долга: моральный долг воспринимается сквозь призму бессмысленного императива, морально должное требуется от любого.

Во второй половине XX столетия некоторые теоретики демократии (К. Пейтман, К. Б. Макферсон и др.) вернулись к идеям Руссо и развили его концепцию активного, участвующего в управлении обществом гражданина. Демократия участия (*participative democracy*), вовлечение индивидов в различных формах в политику, способствует развитию человека, формированию активного и просвещённого гражданина, росту его самосознания и ответственности в процессе самого участия, прежде всего, в сферах, связанных с повседневной жизнью людей — на рабочих местах и в локальных сообществах.

После фазы «организованного капитализма» государственные стратегии всеобщего благосостояния в большинстве западных стран трансформируются в стратегии защищённости занятостью (*welfare to work*) — от социального обеспечения к труду. С отказом от кейнсианской модели права гражданина политики уступили место самоответственности участника рынка, демонтажу института социального гражданства как механизма поступательного расширения пределов равенства, политике индивидуализации рисков и социальной ответственности (см.: [Буравой, 2009; Hague, 2008]). Были внедрены (ордо)рыночные критерии гражданской ответственности (см.: [Crouch, 2013; Citizenship, 2001]). Такая политика формировала гражданина-потребителя — из его «набора» добродетелей почти вытеснены ключевые добродетели: забота об общем благе, гражданская солидарность. Идеальный гражданин представляется как самостоятельная личность, а социальная защита — исключительно как пассивная поддержка.

Новейшая тенденция к распространению взаимодействия сетей правящего класса и институтов государства дала системный результат — появление латентной сферы вне гражданского контроля. Доступ к неконтролируемым каналам получения ресурсов изменил отношение правящего меньшинства и к ответственности перед обществом, и к иным — административным, правовым, политическим, моральным — ограничениям своего поведения. Сетевые коалиции меняют процесс принятия решений, снижают эффекты представительства элитой гражданских интересов, тяготеют к захвату официальных органов власти, самого мандата на управление обществом. В их социальную ткань втягиваются те, кто обладает ресурсами и выполняет неформальные договорённости (см.: [Соловьев, 2019]).

В этом контексте становится понятнее, почему отечественный корпус исследований сосредоточен преимущественно на социально-философском и этическом анализе социальной ответственности, особенно на корпоративной и лишь частично на гражданской. Последняя изучается преимущественно в правовом и педагогическом, но не в политическом плане. Связи гражданской ответственности и политических практик посвящено ограниченное число работ, касающихся анализа гражданского общества (см.: [Баранов, 2016; Корешков, 2012]). В диссертациях рассматриваемое понятие обычно упоминается в контексте философских идей. Ответственность граждан понимается как лояльность, патриотизм, активность, самоорганизация, элемент «гражданственности», ответ-

ственность за поступки. Ответственность элит, институтов (управления и власти, СМИ, бизнеса, международных организаций, общественных объединений и движений) перед гражданами трактуется как качество политического лидера или профессионала (см.: [Айвазян, 2001; Полухин, 2005; Скалина, 2009]).

Акцент на прямом и осознанном участии граждан в политике характерен для интенсивно развивающейся в последние десятилетия теории делиберативной демократии (Ю. Хабермас, Дж. Драйзек, Дж. Фишкин и др.). Гражданин, участвующий в процессе делиберации (обсуждении в публичном пространстве проблем, связанных с общим благом), – нравственный индивид, способный к саморефлексии, коммуникации и диалогу с равными ему индивидами в поисках решения коллективных проблем, осознающий свою ответственность перед обществом и другими гражданами. Тем самым вырабатываются гражданские ориентации и ценности – доверия, уважения к другому, эмпатии, равенства, справедливости, свободы, солидарности – необходимые для становления ответственного гражданина, которого отличает информированность, компетентность, способность к критическому мышлению и диалогу. Содержание гражданской ответственности расширяется до участия в управлении в интересах большинства и предложения обществу стратегий, альтернативных тем, что воспроизводят существующие властные и имущественные неравенства.

Таким образом, гражданская ответственность, с точки зрения политико-институционального подхода, – это способность и готовность гражданина, на основе усвоенных им гражданских ценностей и в целях достижения общего блага, добровольно исполнять принимаемые на себя обязанности по отношению к другим членам гражданского общества и к государству, следовать принятым в обществе демократическим нормам и правилам, т. е. воспроизводить демократический порядок.

Основные элементы структуры гражданской ответственности

Структура гражданской ответственности представляет собой единство когнитивного, мотивационного и поведенческого (активистского) компонентов. Её внешний контур составляют субъект, объект и инстанции ответственности, а внутренний – понимание социальных норм (правовых и нравственных) и мотивация ответственного поведения, предвидение последствий своей деятельности.

Нормативная ответственность связана с нормативной регуляцией поведения и включает знание субъектом ответственности своих обязанностей (норм), ценности их содержания для себя и других [Фролова, 2010].

Субъектная ответственность отражает степень значимости нормы и отношения к ней как показателя развития субъекта ответственности. Ответственное поведение предполагает гуманистическую направленность субъектного побуждения и социальную значимость последствий поведения [Барановская, 2008].

Социально ответственное поведение требует от субъекта осмысленных, мотивированных действий и поступков, направленных на благо другого человека, общества, самого себя, и ответа за них прежде всего перед самим собой.

Гражданская ответственность выступает рефлекслируемым основанием гражданской активности в рамках гражданского общества как институционального, нормативно-ценностного порядка, и потому отличается от активности граждан, т. е. индивидов, наделённых формальным гражданским статусом. Ранее мы выделили два типа гражданской активности: 1) гражданское участие, обеспечивающее воспроизводство ценностей и норм гражданского общества, сложившихся институциональных практик, гражданской идентичности. Решения, связанные с достижением общественных целей, могут требовать нормативно-правового оформления (закона), превращаясь тем самым в политические решения, а гражданское участие – приобретать политический характер; 2) гражданское действие, направленное на трансформацию сложившихся институциональных практик и их нормативно-ценностных оснований, с ориентацией на общественное благо. Сложность и многовариантность перехода от гражданского участия к гражданскому действию (и наоборот) – ещё одно основание для различения видов активности. Этот переход зависит от позиционирования индивида по отношению к власти и политическим институтам, его когнитивной компетентности, включая опыт работы в общественных или политических организациях и движениях, от ресурсов и проблемной ситуации [Патрушев, 2009]. Поэтому политико-социологический анализ гражданской и политической активности следует начинать с выяснения актуального и потенциального состояния гражданской ответственности.

Тенденции ответственности граждан России

Россиянин как представитель российской нации, отмечается в официальной Стратегии государственной национальной политики России, должен соответствовать двум требованиям — быть гражданином Российской Федерации и обладать гражданским самосознанием, т. е. осознавать принадлежность к своему государству, народу и обществу, ответственность за судьбу страны и необходимость соблюдения гражданских прав и обязанностей, быть приверженным базовым ценностям российского общества. К ним отнесены: патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь, коллективизм [Указ Президента..., 2012]. Гражданское самосознание / гражданская идентичность трактуются как триада – государственная, народная и общественная – без специального разведения этих понятий.

При таком понимании гражданское самосознание россиян демонстрирует тенденцию к росту.

В общей сложности, по данным Левада-Центра (26.09 – 02.10.2019), 57% россиян так или иначе чувствуют свою ответственность за происходящее в стране, в том числе ощущают её в полной мере 13% опрошенных (в 2006 г. –

2%; в 2017 г. — 4%), в значительной степени — 16%, и ещё 28% — в незначительной мере; при этом 39% респондентов заявили, что не признают за собой никакой ответственности за страну (в 2016 г. — 64%, в 2017 г. — 60%) [Ответственность..., 2019].

Сравним эти данные с готовностью участвовать в различных инициативах ради изменений к лучшему (22–28.11.2018) [Гражданская активность, 2019]. Жители России (71% респондентов) готовы голосовать на выборах за партии / кандидатов, предлагающих близкий им план преобразований (реально в президентских выборах 2018 г. участвовали 68% граждан), подписывать открытые письма и петиции (53%) (по данным ОСПИ-2019 — 8%), участвовать в уличных акциях и митингах (22%) (ОСПИ-2019 — 2%).

Очевидно, что приведённые выше данные не вполне проясняют ситуацию с гражданской ответственностью в России.

Россияне как субъекты гражданской ответственности

Только часть активистов описывают своё участие в терминах гражданского «словаря», апеллируют к гражданским ценностям и хотят изменений, выходящих за рамки решения проблемы (это признаки гражданской идентичности и разделения ответственности с другими). Остальные интерпретируют происходящее (и участие в нём) как защиту своих интересов в рамках принадлежности к малой или большой социальной группе, которая чётко отделяет свою активность от политической — опасной и дискредитирующей. При этом одни считают существующий порядок легитимным и эффективным («Россия встала с колен»), другие настроены критически, даже враждебно по отношению к власти.

На данным ОСПИ-2019 с помощью факторного анализа¹ выявлены три разных, но сопряжённых измерения качеств ответственного гражданина в России: нормативные, полученные при социализации, представления о поведении гражданина,; социальная толерантность (реципрокные и делиберативные ориентации); политическая активность (конвенциональные (или не вполне) реакции на решения властей и на ситуации, требующие действий в защиту общих интересов).

Активисты, воодушевлённые гражданскими ценностями, могут включаться в политическую деятельность, если предыдущий опыт или ценностная эволюция подвели их к оспариванию легитимности действующей власти и её права на безусловное доминирование. При этом они с большой вероятностью будут отрицать своё политическое участие, поскольку изменение когнитивных схем происходит медленно, к тому же они предпочитают сохранять привычные схемы для большего взаимопонимания с остальными членами группы.

¹ Факторизация проведена при участии Ф. Э. Шереги.

Рис. 1. Качества ответственного гражданина (группировка на основе факторного анализа)¹

Реализация когнитивных предпосылок гражданской ответственности связана с пониманием существа политики в окружающей социальной среде. Лидеры гражданских инициатив и активисты со стажем нередко «развиваются» до уровня гражданина, но переход к явно декларируемой идентичности политического актора означает разрыв с активным участием в инициативе — для остальных такой активист часто становится «чужаком». Он создаёт угрозу «дискредитации» инициативы через стигматизацию её как «политической» и репрессий со стороны властей.

¹ Факторизация проведена при участии Ф. Э. Шереги.

Гражданская ответственность и институциональная среда России

Компоненты гражданской ответственности формируются и реализуются в определённой институциональной среде – совокупности правовых, политических, социальных и иных правил и структур, институтов и устойчивых практик поведения, обусловленных набором значимых проблем.

Результаты обследования (как и теоретический анализ) показывают, что, во-первых, речь идёт как об общеизвестных правилах – публичного поведения, семьи, традиции, морали и закона, так и о специфических социальных нормах повседневности, которые формируют и разрушают потенциал ответственности (рис.2).

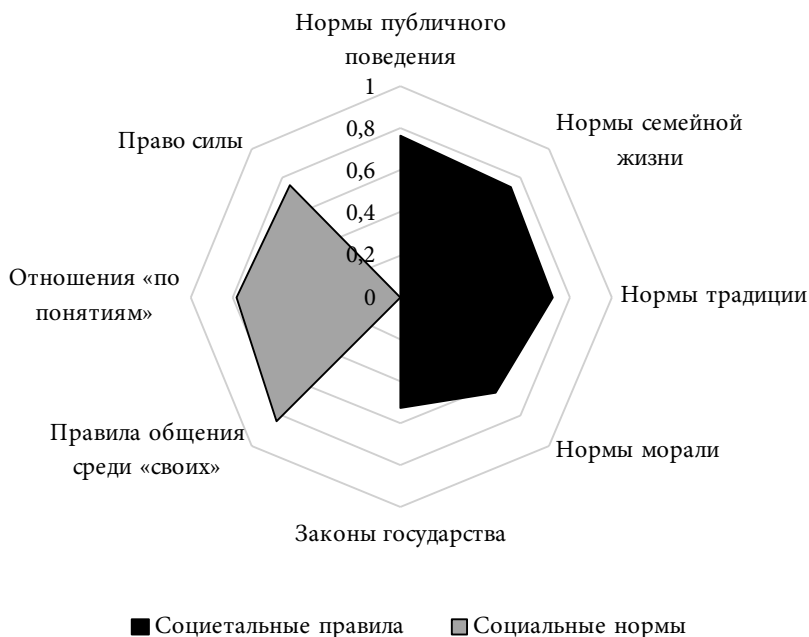

Рис. 2. Правила, которым следуют российские граждане (группировка на основе факторного анализа)

Во-вторых, на состояние гражданской ответственности оказывает влияние широкий круг проблем (как и практики их решения), которые нам удалось свести в разнородные группы – криминализация общественной среды, качество жизни, внешнее давление, социальная экология и условия профессиональной самореализации (рис.3).

Рис. 3. Проблемы, лично затрагивающие граждан (факторный анализ)

Не меньшее значение имеют повседневные отношения, эгоистическая замкнутость многих индивидов на себя, на свои проблемы, а также социальная отчуждённость наряду с социетальной агрессией, что не может не влиять деструктивно на потенциал гражданской ответственности (рис.4).

Ещё один значимый элемент институциональной среды – властные структуры и практики на всех уровнях государственной иерархии. Доверие к ним не отличается избыточностью (рис. 5).

Один из российских парадоксов – недоверие к тем, кто был избран гражданами. Но его можно объяснить: по мнению респондентов, российская власть не спешит выразить интересы избранных политиков, т. е. представителей тех, кто их выбрал, – граждан. По данным ОСПИ-2019, приоритет отдаётся высшим государственным чиновникам (86%) или высшим управленцам частных компаний и корпораций (71%), крупным собственникам (64%), военным и «силовикам»

(62%), и только потом – прошедшим выборы политикам (52%). Характерно, что доля россиян уверенных, что чиновники лгут о положении дел в стране, достигла 52% в 2019 г.; в правдивость чиновников верят лишь 12% против 20%. В отношении обычных людей расклад иной: по мнению респондентов, 37% из них говорят правду, 25% – лгут [Более половины..., 2019]. Препятствуют повышению авторитета, устойчивости коррупции и взяточничества, оторванность от интересов граждан и низкие нравственные качества представителей власти [Турчинов, Магомедов, 2010: 47].

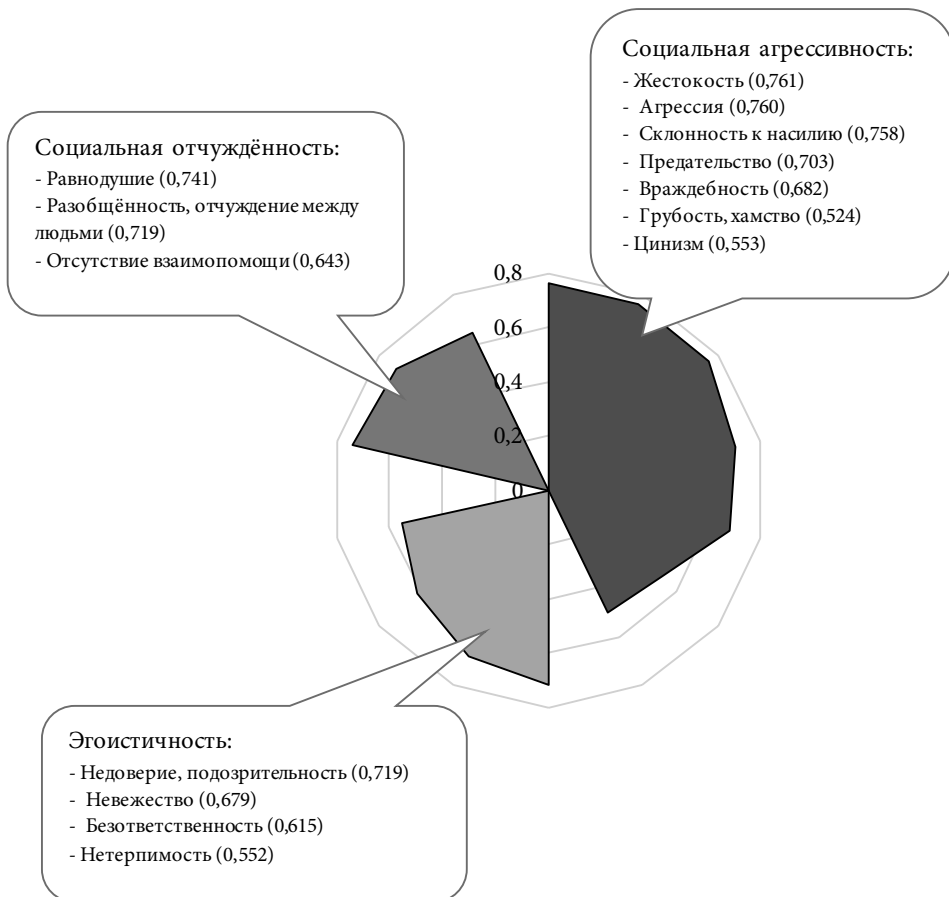

Рис.4. Факторы дестабилизации отношений между людьми

Рис.5. Доверие представителям и органам политической власти

Особого внимания заслуживает восприятие россиянами институциональной среды российского социума, которая не вполне конгруэнтна нормативно-ценностной структуре гражданской ответственности, как её понимают граждане (см. рис.6). Корреляция между ними отрицательна (коэффициент Пирсона = -0,588).

По оценке респондентов, гражданские добродетели – мораль, равенство, семья, закон, традиция и справедливость более значимы для гражданина России, чем для социума в целом. А выгода, сила, личный успех, доверие и собственность более важны для общества, чем для отдельных граждан. Если, как полагает теория, ответственным поведением индивида управляют интериоризированные ценности социума, то опережение индивидами, по оценке самих респондентов, развития социума демонстрирует как потенциал гражданской ответственности, так и коллизии отношений граждан и социума.

Возможно, причина в том, что «гражданская ответственность может формироваться на позитивных началах – как солидарность и кооперация снизу по доброй воле, а может на негативных – как вынужденная реакция на какие-то меры, принимаемые сверху и провоцирующие недовольство» [Мухаметшина, 2018].

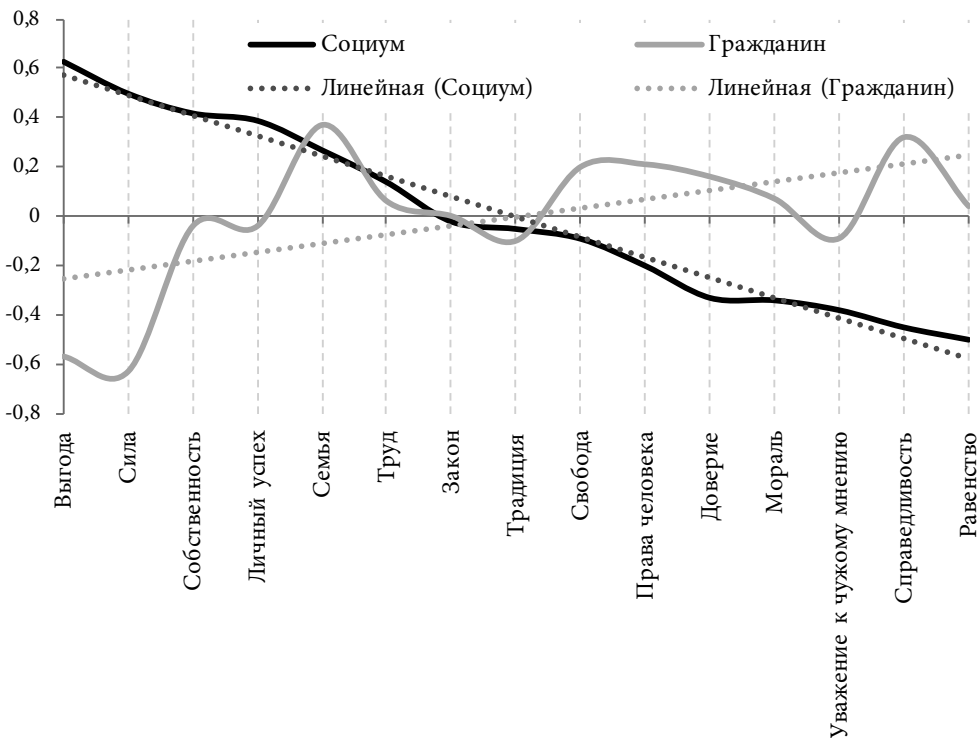

Рис. 6. Соотношение между социетальной и гражданской нормативно-ценностными структурами в России (поляризованная шкала от -1 до 1)¹

Гражданская ответственность и политика

Утверждения о политике «грязное дело», «за нас всё решают», «прорвались к кормушке» и т. п. являются общим местом и отказ от них в данных условиях вряд ли возможен.

Альтернативой «участию в политике» является гражданская активность, которая, напротив, окрашена положительно как для лояльных граждан (является частью официального дискурса), так и для оппозиционно настроенных (значительная часть оппозиции разделяет демократические ценности или по крайней мере не отвергает их). Гражданский активизм в российском дискурсе имеет целью достижение общего блага в отличие от политического активизма, который ассоциируется с борьбой групп за свои интересы. Понятно, что это деление искусственно: и в условном «гражданском активизме» могут проявляться интересы

¹ Рассчитано при участии А. В. Жаворонкова.

определённых групп, и политическая активность в конечном счёте направлена на общее благо. Тем не менее, сложившиеся когнитивные схемы заставляют классифицировать действия граждан (объединений) как один из типов активизма, и для условного большинства отнесение события к «политическому активизму» («политике») побуждает немедленно дистанцироваться от «грязного дела».

Очевидно, что гражданская ответственность индивида должна включать в себя позитивное отношение к политическому активизму как праву и обязанности гражданина. Система институтов и дискурс властных структур в России не способствуют формированию такого отношения. Для политического участия граждан отведена преимущественно сфера выборов. Если потенциально результаты выборов в орган власти не опасны для стабильности системы и не несут издержек для влиятельных экономических акторов, власти не вмешиваются в процесс. Кроме того, власть допускает участие граждан в «профессиональной политике», т. е., карьеру партийного функционера и участие в деятельности партий, которые признаны не представляющими угрозу сложившемуся порядку. Свобода политических высказываний сохраняется, но все более ограничивается антиэкстремистским и антитеррористическим законодательством, а также введением уголовной статьи за оскорбление представителей власти и практиками неформального контроля за действиями зависимых лиц.

Приведем несколько ответов на открытый вопрос: «Кто несёт моральную ответственность за положение дел в стране?» (вопрос задавался в ходе тестирования анкеты ОСПИ ИС РАН в апреле 2018 г.)

«Моральную ответственность за положение дел в стране в большей степени должна ощущать власть, кто у власти стоит. И в какой-то степени руководители крупных предприятий тоже» (М., 36 лет, высшее образование, редактор, Пермь.)

«... в первую очередь на тех, кто активно делает зло, лежит ответственность, а это именно власть» (М., 38 лет, высшее образование, Москва.)

«Законодательная [власть] несёт ответственность за глупые законы, а исполнительная — за их реализацию...» (Ж., 45 лет, медсестра, Нижегородская область.)

Ответственность власти «за положение дел в стране» рассматривается как самоочевидная: она наделена функцией принятия решений. Важное место отводится ресурсной стороне: у власти есть право и возможности (ресурсы в разных формах) для влияния; по этой же логике «к обязанным нести ответственность» относят экономических акторов. Относительно граждан, «народа» мнения расходятся: в когнитивных схемах присутствует идея о народе как единственном источнике власти (Конституция), но готовность возложить ответственность на него встречает несколько препятствий: 1) не ясно, как «народ» может выступить в качестве субъекта, 2) степень участия граждан всегда различна, 3) низкий уровень гражданского самосознания, 4) признание ответственности «народа», граждан ставит непростую проблему личной ответственности.

Данные фокус-групп, проведённых в августе 2019 г. отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, выявили признаки кризиса представлений граждан о гражданской ответственности, своего рода «квазиполитический инфантилизм». Суждения респондентов: каждый должен «уважать друг друга», «соблюдать законы», «платить налоги», включая ссылки на советский опыт, — оказались декларацией банальностей. Более или менее ясного понимания гражданской ответственности обнаружить не удалось.

В рамках неполитической российской социальности, где политические практики подменяются административными и властными, есть тем не менее граждане, пытающиеся действовать по политическим принципам. Выбор между неполитическими или гражданско-политическими принципами человеческого общежития независим от социально-демографических факторов, это личный выбор каждого человека.

Российская социальность, институциональная среда ограничивают развитие гражданской ответственности, создавая условия для сохранения инфантилизма граждан, когда ситуаций для проявления гражданской ответственности в повседневной жизни просто мало или они вообще не возникают. Это связано с гипертрофией полномочий высших и недостаточностью полномочий низших звеньев государственной, а также муниципальной власти. Возникла плотная сеть ограничений деятельности граждан, в которой гражданин просто не может найти своё место. Как следствие, многие полагают, что за них «всё решили» или «всё обязаны решить», что по умолчанию снимает вопрос об ответственности.

В нынешней России принцип общего блага подвергнут сомнению, если не разрушен. Но без него не могут сложиться ни гражданская, ни политическая сферы. Это обнаруживается особо болезненно в наличии постимперской «тропы зависимости».

Заключение

Российская трансформация далека от завершения, если под ним понимать утверждение в России современного общества. Институциональный контекст, в котором социализируются и действуют граждане, характеризуется разрывом между декларируемыми демократическими ценностями (в том числе, важностью дискуссии и выборов для определения будущего страны) и реальным «прагматичным» устройством сферы «политического», в которой гражданам отводится роль статистов (в том числе, выборы не являются инструментом продвижения во власть политиков, представляющих интересы граждан). Этот конфликт «должного» и «сущего» для значительного числа людей (особенно молодых) приобретает личное измерение в момент попытки реализовать себя как ответственного гражданина.

Исследование факторов и ресурсов гражданской ответственности остается актуальной и сложной задачей, решение которой позволит выявлять проблемные сферы и поможет направлять необходимые ресурсы на актуализацию гражданского потенциала россиян.

Список литературы

Айвазян, А. А. Гражданственность и гражданское участие: Теоретико-методологический анализ: дисс. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук: специальность 23.00.01. «Теория политики, история и методология политической науки» / Айвазян Артак Андрикович; Институт философии и права Уральского отд. РАН. Екатеринбург, 2001. 140 с.

Арендт, Х. Ответственность и суждение. Пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара. 2013. 352 с.

Аристотель Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль. 1983. 830 с.

Аронсон, Д. Способность суждения и её связь с политической ответственностью. Предисловие / Х. Арендт. Ответственность и суждение. М.: Изд. Института Гайдара. 2013. С. 7–24.

Баранов, Г. В. Концепция социальной ответственности в гражданском обществе России // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 2 (44) Ч. 1. С. 64–65. DOI: <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.44.097>

Барановская, Л. А. К вопросу о ценностной структуре социальной ответственности // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 1. С. 204–212.

Буравой, М. Что делать? Тезисы о деградации социального бытия в глобализирующемся мире // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 3–9.

Гражданская активность. [Электронный ресурс] // Левада-Центр: [сайт]. Пресс-выпуск. 13.02.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/02/13/grazhdanskaya-aktivnost/> (дата обращения: 08.10.2019).

Зидентоп, Л. Демократия в Европе: пер. с англ. / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2001. 312 с.

Кант, И. Критика практического разума: пер. с нем. Спб.: Наука. 1995. 528 с.

Корешков, С. С. Проблемы развития гражданской ответственности в современном обществе // Общество: социология, психология, педагогика. 2012. № 2. С. 104–107.

Мухаметшина, Е. Ответственность россиян за происходящее в стране резко выросла [Электронный ресурс] // Ведомости: [сайт]. 30.10.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/10/30/785180-rossiyane-pochuvstvovali-otvetstvennost-za-proishodyashee-strane> (дата обращения: 08.10.2019).

Ответственность и влияние. [Электронный ресурс] // Левада-центр: [сайт]. Пресс-выпуск. 22.10.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/22/otvetstvennost-i-vliyanie-3/> (дата обращения: 08.10.2019).

Полухин, О. Н. Гражданственность как предмет политологического анализа: дисс. на соиск. учён. степ. д-ра полит. наук: специальность 23.00.01. «Теория политики, история и методология политической науки» / Полухин Олег Николаевич; Российский государственный социальный университет. М., 2005. 355 с.

Руссо, Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты: пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле». 1998. 416 с.

Скалина, А. Н. Гражданственность в современной России: сущность, структура, типология: дисс. на соиск. учён. степ. канд. полит. наук: специальность 23.00.02. «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» / Скалина Алла Николаевна; Башкирский государственный университет. Уфа, 2009. 165 с.

Соловьев, А. И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 8–25. DOI: 10.17976/jpps/2019.04.02

Турчинов, А. И., Магомедов, К. О. Кадровый потенциал государственной гражданской службы: духовно-нравственные проблемы. М.: Изд-во РАГС. 2010. 120 с.

Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=312941&fld=134&dst=100017,0&rnd=0.7637317694010526#07698178056752676> (дата обращения: 08.10.2019).

Фролова, Е. А. О сущности социальной ответственности экономических субъектов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2010. № 4 (12). С. 59–68.

Фукидид. История. Л.: Наука. 1981. 544 с.

Хелд, Д. Модели демократии / Дэвид Хелд; пер. с англ. М. Рудакова; РАНХиГС. 3-е изд. М.: Издательский дом Дело. 2014. 548 с.

A Practical Guide for Integrating Civic Responsibility into the Curriculum / K. Gottlieb, G. Robinson, eds. Washington, D.C.: Community College Press, 2002. 86 p.

Citizenship, Markets, and the State / C. Crouch, K. Eder, D. Tambini, eds. Oxford: Clarendon Press, 2001. 296 p.

Crouch, C. Europe and Problems of Marketization. From Polanyi to Scharpf. Firenze: Firenze University Press. 2013. 68 p.

Hague, M. S. Global Rise of Neoliberal State and its Impact on Citizenship: Experiences in Developing Nations // Asian Journal of Social Science. 2008. № 36. Pp. 11–34.

Taylor, Ch. Reconciling the solitudes: Essays in Canadian Federalism and Nationalism. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1993. 208 p.

Дата поступления в редакцию: 25.11.2019. Принята к публикации: 17.12.2019.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Патрушев Сергей Викторович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: servpatrushev@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 72426

Кучинов Артемий Михайлович, ассистент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия.

E-mail: arkuchinov@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 687022

Мирясова Ольга Александровна, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: verdikt.o@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 692269

Недяк Ирина Леонидовна, доктор политических наук, главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: iraned@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 212155

Павлова Тамара Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: tamara.pavlova@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 703343

Филиппова Людмила Евгеньевна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

AuthorID РИНЦ: 546929

DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7093

Formation of Civic Responsibility in Russia

The article was prepared with the support of the RFBR and ANO EISI. Project No. 19-011-31091 "The Institutional context of formation of civil responsibility in Russia»

Sergey V. Patrushev¹, Artemiy M. Kuchinov², Olga A. Miryasova¹,
Tamara V. Pavlova¹, Ludmila E. Filippova¹, Irina L. Nedyak¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

24/35, b. 5, Krzhizhanovskogo St., Moscow, Russia, 117218

²National Research University «Moscow Power Engineering Institute».

14, Krasnokazarmennaya, Moscow, Russia, 111250

For citation: Patrushev S. V., Kuchinov A. M., Miryasova O. A., Nedyak i. L., Pavlova T. V., Filippova L. E. (2020). Formation of Civic Responsibility in Russia. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 8. № 1. P. 27–47. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7093

Abstract. The concept of civic responsibility is poorly studied by modern political science and is not sufficiently used in the analysis of the Russian political situation. This article attempts to develop the concept of civic responsibility as a category in political science using political, sociological and institutional approaches. The scientific novelty lies in the deployment of the concept of civic responsibility in the institutional context of civil society and the state. The identification of the normative and value structure of civic responsibility and its congruence in the institutional environment and the assessment of the development potential of civic responsibility will allow the better understanding of Russian politics and Russian society, as well as the expansion of the possibilities for influencing the process of the formation of civic responsibility as a stable foundation of modern politics. For empirical verification of theoretical assumptions, we used the data of an all-Russian representative survey of the population aged 18 years and older conducted by the comparative political research department of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (with the support of the Center of Social Forecasting and Marketing) in June 2019. The size of the sampled population was 700 people (OSPI-2019).

Keywords: citizen; responsibility; society; state; politics; institutional environment; order; law; norms; values; activity; behavior; formation; reproduction.

REFERENCES

- Arendt X. (2013). *Otvetstvennost' i suzdenie*. [Responsibility and Judgment]. M.: Izd. Instituta Gaidara publ., 352 p. (In Russ.).
- Aristotel'. (1983). *Sochineniya: v 4 tomakh*. [Works]: T. 4. M.: Musl' publ., 830 p. (In Russ.).
- Aronson D. (2013). Sposobnost' suzdeniya i ee svyaz' s politicheskoi otvetstvennost' u. Predislovie. *Otvetstvennost' I suzhdenije*. [The ability to reason and its relation to political responsibility. Foreword]. M.: Izd. Instituta Gaidara publ., P. 7–24. (In Russ.).
- Ayvazyan A. A. (2001). *Grajdanstvennost' i grajdanskoe uchastie: teoretiko-metodologicheskii analiz*. [Citizenship and Civil Participation: Theoretical and Methodological Analysis]. Ekaterinburg publ., 140 p. (In Russ.).
- Baranov G. V. (2016). Kontsepciya sotsial'noi otvetstvennost' i v grazhdanskom obshchestve Rossii [The concept of social responsibility in the civil society of Russia]. *Mejdunarodnii nauchno-issledovatel'skii jurnal*. № 2 (44). Part 1. P. 64–65. DOI: <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.44.097> (In Russ.).
- Baranovskaya L. A. (2008). O tsennosnoi strukture sotsialnoi otvetstvennosti. [On the value structure of social responsibility]. *Sibirskii Pedagogicheskii Jurnal*. №1. P. 204–212. (In Russ.).
- Buravoj M. (2009). *Chto delat'?* Tezisy o degradacii social'nogo bytiya v globaliziruyuschemsya mire. [What to do? Theses on the degradation of social life in a globalizing world]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. № 4. P. 3–9. (In Russ.).
- Frolova E. A. (2010). O suschnosti sotsial'noi otvetstvennosti ekonomicheskikh sub'ektov. [On the essence of social responsibility of economic entities]. *Buletin of Tomskogo gosudarstvennogo Universiteta*. № 4 (12). P. 59–68. (In Russ.).
- Fukidid. (1981). *Istoriya*. [History]. M.: Nauka publ., Kniga II. 544 p. (In Russ.).
- Grazhdanskaya aktivnost'*. (2019). [Civil activity]. Levada-Tsentr. Press vypusk. 13.02.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/02/13/grazhdanskaya-aktivnost/> (data obrascheniya: 08.10.2019). (In Russ.).
- Held D. (2014). *Modeli Demokratii*. [Models of Democracy]. M.: Delo publ., 548 p. (In Russ.).
- Kant I. (1995). *Kritika prakticheskogo razuma*. [Criticism of practical reason]. Sankt-Peterburg, «Nauka» publ., 528 p. (In Russ.).
- Koreshkov S. S. (2012). Problemi razvitiya grajdanskoi otvetstvennosti v sovremennom objestve. [Problems of development of civil responsibility in modern society]. *Obschestvo: sociologiya, psichologiya, pedagogika*. № 2. P. 104–107. (In Russ.).
- Mukhametshina E. (2018). Otvetstvennost' rossiyan za proishodyashee v strane rezko vyroslyay. [The responsibility of Russians for what is happening in the country has grown dramatically]. *Vedomosti*. 30.10.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/10/30/785180-rossiyane-pochuvstvovali-otvetstvennost-za-proishodyashee-strane> (data obrascheniya: 08.10.2019). (In Russ.).
- Otvetstvennost' i vliyaniye*. (2019). [Responsibility and influence]. Levada-Tsentr. Press relize. 10.22.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/22/otvetstvennost-i-vliyanie-3/> (data obrascheniya: 08.10.2019). (In Russ.).
- Polukhin O. N. (2005). *Grazhdanstvennost' kak predmet politologicheskogo analiza*. [Citizenship as a subject of political science analysis]. M., 355 p. (In Russ.).
- Russo Zh. Zh. (1998). *Ob obschestvennom dogovore. Traktaty*. [About the social contract. Treatises]. M.: «KANON-pess», «Kuchkovo pole» publ., 416 p. (In Russ.).
- Skalina A. N. (2009). *Grazhdanstvo v sovremennoi Rossii: suschnost', struktura, tipologiya*. [Citizenship in modern Russia: essence, structure, typology]. Ufa, 155 p. (In Russ.).

Solov'ev A. I. (2019). Politicheskaya povestka pravitel'stva, ili zachem gosudarstvu obschestvo. [Political agenda of the government, or why the state needs society]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. № 4. P. 8–25. (In Russ.).

Turchinov A. I., Magomedov K. O. (2010). *Kadrovyy potencial gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby: dukhovno-nravstvennye problemy*. [Personnel potential of the state civil service: spiritual and moral problems]. M.: Izd-vo RAGS publ., 120 p. (In Russ.).

Ukaz Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 № 1666 (red. ot 06.12.2018) «O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda». [Decree of the President of the Russian Federation dated December 19, 2012 No. 1666 (ed. from 06.12.2018) “on the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025”]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=312941&fld=134&dst=100017,0&rd=0.7637317694010526#07698178056752676> (data obrascheniya: 08.10.2019).

Zidentop L. (2001). *Demokratia v Evrope*. [Democracy in Europe]. M.: Logos publ., 312 p. (In Russ.).

A Practical Guide for Integrating Civic Responsibility into the Curriculum. (2002). Washington, D.C.: Community College Press, 86 p.

Citizenship, Markets, and the State. (2001). Oxford: Clarendon Press, 296 p.

Crouch C. (2013). *Europe and Problems of Marketization. From Polanyi to Scharpf*. Firenze: Firenze University Press., 68 p.

Hague M. S. (2008). Global Rise of Neoliberal State and its Impact on Citizenship: Experiences in Developing Nations. *Asian Journal of Social Science*. № 36. P. 11–34.

Taylor Ch. (1993). *Reconciling the solitudes: Essays in Canadian Federalism and Nationalism*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 208 p.

The article was submitted on November 25, 2019. Accepted on December 17, 2019.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Patrushev Sergey Victorovich, Candidate of History, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Scopus Author Id: 57191094619

Kuchinov Artemiy Mikhailovich, assistant,
National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russia.

E-mail: arkuchinov@yandex.ru

Miryasova Olga Alexandrovna, Research Fellow,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: verdikt.o@gmail.com

Nedyak Irina Leonidovna, Doctor of Political Science, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: iraned@mail.ru

Pavlova Tamara Vladimirovna, Candidate of History, Leading Researcher, I
nstitute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: tamarapavlova@mail.ru

Filippova Ludmila Eugenevna, Candidate of Political Science, Senior Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: ludmila_filippova@hotmail.com